

Хан Цин пребывал в отличном расположении духа. Он открыл Weibo и увидел, что количество его подписчиков растет в геометрической прогрессии. Многие восхищались им, хотя хватало и тех, кто обвинял его в фальсификации — в конце концов, многим всё еще было трудно принять тот факт, что Хань Яо и есть тот самый восьминогий рыбчеловек.

Хан Цин отложил телефон, как вдруг раздался дверной звонок.

Кто бы это мог быть?

Родители Хань Яо не могли прийти без предупреждения, а друзей в стране у него не было. Даже Чэнь Мэй не знала, где он живет.

Хан Цин подошел к двери и распахнул её. На пороге стоял мужчина, от которого веяло угрозой.

Хан Цин удивленно приподнял бровь.

Чэн Чжоу!

Глаза Чэн Чжоу покраснели, он походил на разъяренного леопарда.

— Выходи, — процедил он.

Я что, похож на идиота? — подумал Хан Цин и, не теряя времени, достал телефон, чтобы позвонить Цзян Мояну. Хотя между ними еще не было никаких близких отношений, Цзян Моян наверняка с огромным удовольствием ввяжется в драку с Чэн Чжоу... К тому же, только он один и мог осмелиться бросить вызов такому человеку.

Хорошо, что вчера он взял новую визитку.

Чэн Чжоу бросил взгляд на его руки, и телохранители за его спиной внезапно рванулись вперед. Один из них схватил Хан Цина за руку, вырвал телефон и швырнул его в сторону.

— Звонишь Сун Мину? — усмехнулся Чэн Чжоу. — Кем ты себя возомнил? Думаешь, раз тебя называли маленьким принцем сцены, ты уже можешь подцепить Сун Мина?

Хан Цин никогда не привык пасовать:

— А ты кто такой, чтобы указывать мне?

В глазах Чэн Чжоу вспыхнула ярость, он протянул руку, намереваясь схватить Хан Цина.

— Чэн Чжоу! Что ты творишь? — Сун Мин, очевидно, следовал за ним по пятам. Как только двери лифта открылись, он быстрым шагом подошел, ударил Чэн Чжоу по руке и встал между ним и Хан Цингом. — Мы с тобой ссоримся, зачем впутывать посторонних?

Чэн Чжоу пришел в бешенство:

— Почему ты его защищаешь? Он тебе приглянулся?

Хан Цинг застыл с каменным лицом.

Система, почему в каждом мире, куда я попадаю, я умудряюсь разрушить отношения главных героев в пух и прах?

— ...

В тот момент, когда ситуация накалилась, а Хан Цинг, приняв вид беззащитного существа, спрятался за спину главного героя, в игру вступил антагонист.

Цзян Мян с мрачным лицом решительно шагнул к ним:

— Чэн-шао, что здесь происходит?

Хан Цинг ничуть не удивился тому, что Цзян Мян появился так вовремя. Для такого человека, как он, отследить местоположение по геолокации телефона было проще простого. К тому же... чтобы соблазнить антагониста, он специально сменил место жительства.

Ну надо же, антагонист живет в соседнем жилом комплексе.

Цзян Мян окинул взглядом Чэн Чжоу, затем перевел его на Сун Мина, и в его глазах отразился холод.

Следом он рывком потянул Хан Цинга за свою спину. Сун Мин нахмурился:

— Господин Цзян?

Хан Цинг молча спросил систему:

— Они что, считают меня слабаком?

— ...Да.

— Давай договоримся: в следующем мире выбери тело с более высокой боевой мощью, хорошо?

Система легко согласилась:

— Хорошо.

Хан Цин успокоился. Но стоило ему поднять голову, как Чэн Чжоу и Цзян Моян уже сцепились в драке.

Хан Цин взглянул на Сун Мина. Какая же харизма у главного героя!

Сун Мин, казалось, почувствовал его взгляд, поспешил подойти, схватил его за запястье и слегка похлопал по руке:

— Не бойся, он просто немного не в себе, скоро пройдет... Не бойся, он тебя не тронет...

Цзян Моян, повернув голову, случайно увидел эту сцену и стал бить еще жестче. Чэн Чжоу, заметив то же самое, вспыхнул от гнева и захотел вмять Цзян Мояна в пол!

Кто такой Чэн Чжоу, истинный возлюбленный? Выходец из семьи с красной родословной. Хотя родители его не жаловали, он обладал выдающимися способностями и владел студией Хухай — именно туда Сун Мин планировал перейти работать. В оригинальном сюжете через пару лет студия стала невероятно популярной, и, используя этот капитал, Чэн Чжоу вернулся в семью, чтобы вновь завоевать признание старейшин. Более того, денег и власти в его руках хватало, чтобы контролировать некоторые небольшие зарубежные страны.

А каков был бэкграунд антагониста?

Если Чэн Чжоу был благородным от рождения, то Цзян Моян вышел из самой грязи. Из-за связей с криминальным миром руки у него были далеко не чисты, но именно благодаря этому компания Синъян Энтертейнмент быстро стала лидером индустрии. Среда, в которой вращался Цзян Моян, была полна сомнительных личностей, а постоянное соседство с насилием и торговлей оружием сделало его характер еще более взрывным. Он был человеком, который привык решать вопросы силой.

Оба были избранниками судьбы, выдающимися личностями.

Но сейчас эти двое, которыми так восхищались читатели в оригинальном романе, сидели в отделении неотложной помощи, а две медсестры, дрожа от страха, обрабатывали им раны. Никакого величия не осталось.

Хан Цин был озадачен. Почему эти мужчины чуть что — сразу лезут в драку?

Сун Мин, решив, что Хан Цин всё еще напуган, снова похлопал его по плечу:

— Всё хорошо, не волнуйся. — Сун Мин был одного роста с Хан Цином, так что этот жест выглядел вполне естественно.

Хан Цин с сожалением посмотрел на свое тело. Физические данные Хань Яо были далеки от тех, что были у него в прошлом мире, где его рост превышал метр восемьдесят, что давало ему преимущество в плавании благодаря длинным ногам и рукам.

Видя, что Хан Цин молчит, Сун Мин почувствовал еще большую вину, и его взгляд, обращенный к Чэн Чжоу, стал недобрый.

Чэн Чжоу заметил этот взгляд, поднял голову и даже попытался улыбнуться Сун Мину, явно пытаясь задобрить его, но, увидев, как рука Сун Мина лежит на плече Хан Цина, его лицо тут же изменилось.

Цзян Мойн тоже заметил это, его мышцы напряглись, и атмосфера в кабинете стала опасной.

Хан Цин понял, что если так пойдет и дальше, драка начнется снова. Он подошел к Цзян Мойну и тихо произнес:

— Спасибо вам, господин Цзян.

Напряжение в теле Цзян Мойна мгновенно спало. Он даже не поднял головы, спросив небрежным тоном:

— И как же ты собираешься меня благодарить?

— Приглашу вас на ужин, если вы соизволите принять приглашение? — Хан Цин волновался, согласится ли антагонист. Впрочем, такой умный человек, как он, видя здесь настоящего возлюбленного, вряд ли захочет лезть на глаза Сун Мину, верно?

Цзян Мойн сжал кулаки, поднял взгляд и усмехнулся:

— Хорошо.

Сун Мин бросил взгляд на Цзян Мойна и нахмурился.

Он невольно посмотрел на свою ладонь, которая только что опустела.

Тем временем Хан Цин спросил медсестру:

— Всё готово?

Медсестра прошептала:

— Еще нет... — она не успела договорить, как её лицо залилось краской.

Цзян Мойн крайне нетерпеливо поднялся и отодвинул медсестру:

— Не надо, так сойдет.

Хан Цин кивнул:

— Тогда пойдемте. — Он не стал уговаривать Цзян Мойна закончить перевязку. У такого человека наверняка есть личный врач дома, и вместо того чтобы держать его здесь, лучше поскорее увести его прочь.

Хан Цин привел Цзян Мойна в тот же ресторан, где недавно ужинал с Сун Мином.

Ничего не поделаешь, он был слишком занят и не успел подыскать другое подходящее место, поэтому пришлось идти туда.

Они вошли в ресторан, сели за столик, и как только Хан Цин взял в руки меню, он остро почувствовал, что настроение антагониста испортилось.

Цзян Мойн помрачнел и спросил низким голосом:

— Почему опять здесь?

Хан Цин тихо ответил:

— Здесь удобно. — Видимо, антагонист снова вспомнил о Сун Мине... Что ж, будь он на его месте, узнав, что человек, который ему приглянулся, уже имеет парня, он бы тоже разозлился.

Ой, тьфу! Что за дурацкое сравнение, он ведь не настоящий гей.

Цзян Мойн сидел напротив, пристально глядя на Хан Цина, и чувствовал необъяснимое раздражение.

Разве Хань Яо хоть чем-то напоминает человека, который хочет его соблазнить? Напротив, казалось, что это Хань Яо положил глаз на Сун Мина. Это осознание еще больше расстраивало Цзян Мойна.

Хан Цин быстро сделал заказ, и только после того, как перечислил блюда, он вдруг спохватился — черт, забыл спросить, что любит Цзян Мойн.

Хан Цин моргнул и уставился на него:

— Господин Цзян, что вы любите есть?

Цзян Мойн чего только не пробовал в своей жизни? Еда сейчас была не важна, он покачал головой:

— Пусть будет так.

Хан Цин внутренне нахмурился. Он что, из-за главного героя даже аппетит потерял? Нельзя позволять антагонисту так опускаться... Поэтому Хан Цин слегка улыбнулся, и его холодное выражение лица мгновенно исчезло.

Цзян Мойн встретился с этой улыбкой и почувствовал, что его глаза едва ли могут вместить всю её яркость.

Он невольно замер. И снова не смог удержаться от мысли:

Хань Яо становится всё красивее...

Хан Цин перестал улыбаться и сказал:

— Я больше всего люблю здешний тофу с тремя видами морепродуктов, грибы в устричном соусе, кукурузу с кедровыми орешками и креветки с яичницей... Господин Цзян, попробуйте тоже.

Цзян Мойн невольно запомнил названия блюд и кивнул:

— Хорошо.

Чтобы Цзян Мойн не думал о Сун Мине, Хан Цин сам завел разговор, рассказывая о временах, когда СК был его менеджером.

Когда он упомянул, как СК пытался подложить его под заместителя директора Линь Чана,

лицо Цзян Мояна слегка изменилось. Он сжал чайную чашку, и в его голосе прозвучали холодные нотки:

— ...Этот Линь Чан совсем распоясался.

Увидев, что жалоба достигла цели, Хан Цин быстро перевел тему. Цзян Мояну действительно было интересно узнать о прошлом Хан Цина. Один хотел пообщаться, другой — узнать побольше, поэтому беседа протекала крайне приятно. Хорошая атмосфера заставляла забыть обо всем остальном, и когда официант прервал их, принеся еду, Хан Цин удивился тому, что Цзян Моян оказался таким терпеливым слушателем.

— Ты раньше учился за границей? — внезапно спросил Цзян Моян.

Хан Цин кивнул и назвал свой университет на английском. Цзян Моян был не так образован, как настоящий возлюбленный, поэтому название прозвучало для него как китайская грамота.

— Мои родители в стране, поэтому сразу после выпуска я вернулся, — спокойно сказал Хан Цин.

Цзян Моян наблюдал за тем, как Хан Цин опустил глаза, и почувствовал, как будто что-то нежно поскребло его по душе...

— Давайте есть, — Хан Цин слегка улыбнулся.

Цзян Моян запечатлел эту улыбку у себя в памяти, после чего замолчал и принялся за еду. Однако, выбирая блюда, он невольно потянулся именно к тем, что назвал юноша.

Вкус оказался неплохим...

Хотя Цзян Моян не был любителем легкой пищи, но, подумав, решил, что это довольно интересный опыт.

Как и сам человек напротив.

Цзян Моян снова усмехнулся.

После ужина Цзян Моян лично отвез Хан Цина домой.

По пути Хан Цин купил новый телефон.

Хотя телохранители Чэн Чжоу не разбили его телефон вдребезги, экран был треснут, и Хан

Цин не хотел терпеть неудобства. Как только он вставил SIM-карту, раздался звонок. Хан Цин взглянул на экран — звонил Сун Мин.

Хан Цин украдкой посмотрел на Цзян Мойна и заметил, что тот слегка напрягся.

Похоже, он всё еще очень переживает за главного героя...

Хан Цин ответил на звонок.

— Алло.

— Хань Яо, ты в порядке? — голос Сун Мина звучал встревоженно. Заставить Сун Мина проявить такие эмоции было непросто. Хан Цин знал, что тот действительно беспокоится за него.

— Я в порядке, разве в больнице врач меня не осматривал? — сказал Хан Цин.

Сун Мин на том конце провода, казалось, запнулся.

Наступила тишина.

Хан Цин в недоумении моргнул. Что это значит?

Когда Хан Цин уже колебался, не повесить ли трубку, Сун Мин вдруг снова заговорил:

— Я не это имел в виду. Я о том, как ты себя чувствуешь, находясь рядом с господином Цзяном?

— В смысле? Что не так с Цзян Мойном?

— У Цзян Мойна очень дурная репутация, никто не хочет иметь с ним дел. Я боюсь, что он причинит тебе вред.

Хан Цин понимал, что главному герою трудно полюбить кого-то, кроме истинного возлюбленного, но он не ожидал, что мнение Сун Мина о Цзян Мойне настолько плохое. Впрочем, вспоминая, как ассистент Сун Мина дрожал перед Цзян Мойном, и как у СК подкашивались ноги — всё это указывало на то, что Цзян Мойн был печально известен, и, как сказал Сун Мин, никто не хотел с ним связываться.

Как же это замечательно!

Настроение Хан Цина мгновенно улучшилось.

Чем меньше людей любит антагониста, тем лучше!

Если его любят слишком многие, любовь обесценивается и перестает цениться. Но если только он один будет искренне любить Цзян Мойна, не будет ли это лучшим способом тронуть его сердце?

Спасибо Сун Мину за то, что подкинул новую идею!

Поскольку настроение было отличным, голос Хан Цина наполнился радостью:

— Спасибо тебе, как-нибудь приглашу тебя на ужин...

— Нет, в следующий раз я приглашу тебя, — в голосе Сун Мина тоже послышалась улыбка.

Цзян Мойн, не выдержав, выхватил телефон из рук Хан Цина и холодно произнес:

— Потихе.

Хан Цин поджал губы и выхватил телефон обратно, но звонить больше не стал. Цзян Мойн приревновал? Хан Цин нахмурился. Нужно как можно скорее завоевать более высокое положение в сердце антагониста!

Цзян Мойн, сжимая руль, испытывал сложные чувства.

В ресторане, увидев улыбку юноши, он почувствовал скрытую, невыразимую радость. Ведь юноша редко улыбался. Но следом его ждал удар — юноша так же радостно улыбался Сун Мину, и, казалось, даже больше... От одной этой мысли в душе Цзян Мойна вспыхнуло жгучее пламя.

— Приехали, — тихо сказал Хан Цин.

Цзян Мойн остановил машину и посмотрел наружу.

Действительно, приехали к дому юноши.

Цзян Мойн внезапно пожалел, что машина ехала так быстро, а путь был таким коротким.

Хан Цин, сжимая телефон, вышел из машины:

— Спасибо вам за сегодня, господин Цзян.

Цзян Моян смотрел на уходящую фигуру Хан Цина, и его сердце невольно сжалось. Юноша расстроен? Из-за того, что он отобрал телефон? Цзян Моян невольно прошептал:

— Хань Яо.

Хан Цин остановился и вопросительно обернулся. Антагонист не собирается спрашивать, что именно говорил Сун Мин по телефону?

— Только что...

Хан Цин слегка нахмурился.

Цзян Моян, увидев это, почувствовал еще большее напряжение:

— Я не люблю, когда кто-то рядом со мной разговаривает по телефону с другими, — сухо извинился он.

Хан Цин кивнул:

— Понял. — Эта привычка антагониста действительно может свести с ума! Любому рано или поздно позвонят, что теперь, каждому, кто с ним встречается, нужно переводить телефон в беззвучный режим? Будто он глава государства.

Проворчав это про себя, Хан Цин ловко зашел в жилой комплекс.

Цзян Моян сжал руль. Глядя на удаляющуюся спину Хан Цина, он медленно выдохнул и только тогда завел машину.

В этот момент Хан Цин услышал уведомление:

— Отношение антагониста повысилось на десять очков.

Не так быстро, как в прошлом мире. Но десять очков за раз — тоже неплохо. Хан Цин слегка улыбнулся и, вернувшись домой, с удовольствием принял душ. Заодно он согласовал с Чэнь Мэй запуск новой программы.

.

Новичок, который только что прославился благодаря хайпу, и певец с мощной энергетикой и мастерской техникой на сцене — это был один и тот же человек. Те, кто принял этот факт, стали фанатичными поклонниками Хан Цина, а те, кто не принял, начали обвинять продюсеров в фальсификации, утверждая, что человек на сцене и Хань Яо в жизни — разные люди. Когда эти слухи только появились, Хан Цин и Чэнь Мэй не придали им значения.

Но никто не ожидал, что эти разговоры разгорятся с новой силой. Новые фанаты Хан Цина и те, кто кричал о подставе, устроили в сети настоящую битву.

Чэнь Мэй хотела создать для Хан Цина образ высокомерного и отстраненного артиста, не от мира сего. Такой образ, конечно, не сочетался со скандалами и сплетнями. Хотя многие звезды становились популярными благодаря черному пиару, Чэнь Мэй не хотела, чтобы Хан Цин шел этим путем. Поэтому сейчас нельзя было позволить людям и дальше очернять его имя.

Чэнь Мэй начала действовать, но, как ни странно, пиар-отдел, который раньше всегда справлялся с любой задачей, на этот раз столкнулся с трудностями.

Темы не удавалось подавить.

Чэнь Мэй начала нервничать.

Сам Хан Цин не слишком переживал. Он уже догадывался, кто стоит за кулисами.

Кто, кроме Чэн Чжоу, мог ему навредить? У СК, с которым у него были счеты, не было таких ресурсов. А Линь Чан не осмелился бы тронуть его. Ведь Цзян Моян был безжалостен, и если бы узнал, что Линь Чан посмел навредить артисту его компании, разрушив его источник дохода, остался бы Линь Чан в живых?

Впрочем, даже если Чэн Чжоу это сделал, что с того? У него всё равно есть выход.

Хан Цин выпил стакан воды, встал и сказал:

— Сестра Чэнь, я пойду поупражняюсь в вокале.

Чэнь Мэй с противоречивыми чувствами ответила:

— Иди. — Этот ребенок был для нее настоящим подарком, за столько лет она не видела никого более дисциплинированного. Он никогда не курил и не пил, не ел ничего, что могло бы повредить голосу. Хотя его техника пения уже была выдающейся, он каждый день без исключения занимался распевками, не пренебрегая основами. Если не считать того, что иногда он был высокомерен, всё остальное было идеально. К тому же, высокомерие Хань Яо не было чем-то плохим — именно оно подчеркивало его искренность, его преданность музыке, в которой не было места ничему другому. Это только шло на пользу его элитному образу.

Хан Цин чувствовал на себе восхищенный взгляд Чэнь Мэй.

Он не мог не вздохнуть про себя: хотя в этом была и его заслуга, изначально всё это было привычками Хань Яо. Он годами не забрасывал свою любимую музыку, поэтому и стал таким выдающимся. Единственным недостатком был его характер... Хан Цин мысленно пожалел об этом, но в то же время укрепился в своем решении — хорошо сыграть роль Хань Яо. Пусть самого Хань Яо больше нет, но он может оставить глубокий след в истории музыки, а не тот позорный, который быстро забудется, как в оригинальном сюжете.

Закончив упражнения, Хан Цин проходил мимо кабинета фортепиано. Крышка была открыта, ноты лежали на пюпитре, но в комнате никого не было.

Хан Цин подошел, сначала хотел закрыть крышку, но его пальцы задержались на клавишах.

Вероятно, это было чувство творческого зуда.

Хан Цин не удержался, сел и начал играть.

Симфонии Бетховена, вальсы Шопена, Элиза Ричарда Клайдермана... Всё давалось ему легко, словно само собой.

<http://bllate.org/book/21333/2164053>